

Рудольф Хачатрян

Ольга Кучкина · журнальная статья / эссе · 1997

«Когда вы сделаете внутреннюю

сторону как внешнюю

о внешнюю как внутреннюю...»

Уникальный график, участник Лондонской выставки «Выдающиеся русские художники XX столетия», отметил свое 60-летие выставкой в Третьяковке. Его работы — в музеях и частных собраниях самых известных коллекционеров мира

В сквере напротив Театра оперы в Ереване стоял и рисовал молодой человек. Ему было четырнадцать лет. Вдруг он услышал: кто-то дышит за его спиной. Мальчик не любил, когда смотрели, как он работает. Обернулся — позади стоял старик. Так ему тогда показалось. Старик сказал: «Вот адрес, приди и принеси все свои работы». Он принес. Хозяин дома, перебрав их, воскликнул: «Леонардо жив!»

Мальчик удивился. О думал, что рисует, как Репин. Оказалось, выше.

Так произошла встреча Рудольфа Хачатряна с Ервандом Кочаром, знаменитым армянским художником, основателем принципа «живописи в пространстве». Кочар долгое время жил в Париже. Вернувшись на родину, был репрессирован. После выпущен на свободу. Они стали друзьями: пожилой человек за пятьдесят и подросток-недоучка.

Хачатряну не исполнилось и двадцати, когда Кочар однажды сказал: «Ты можешь

умирать. Если ты умрешь сейчас, останешься в истории армянского искусства».

Хачатрян остался жить.

Он оставался жить и после двух инфарктов. ■

И каждое десятилетие в нем как будто рождался новый художник. Так всякий раз начинался новый период.

.. Я встретила с ним четыре года назад на большой выставке в Доме художника на Крымском валу, которая называлась «Метаморфозы», и не узнала его. Лет за пятнадцать до того была его выставка в Доме художника на Гоголевском бульваре. Тогда он писал портреты. Восхитительные. Он был одним из самых богатых портретистов. От заказов не было отбоя. И вот он бросил наработанную манеру, принесшую ему славу и деньги, и ушел совсем в другой художественный мир.

Это не было умозрительно. Так происходило по судьбе.

Все с ним происходило по судьбе.

Он рисовал с трех лет. Но когда его увидел Кочар, с ним уже случилось то событие, после которого он стал рисовать совсем иначе. Это событие — он увидел Бога. Иначе он никак не мог назвать тот свет, что засиял ему однажды ночью.

Семья жила в полуподвале, отчего всегда приходилось держать занавески закрытыми, чтобы люди не заглядывали в окна. Глаз Рудольфа привык к постоянному полумраку. А тогда и вовсе спустилась ночь. Мальчик, которого вернее было бы назвать отроком, лежал в постели, и только его представления и мысли, как обычно, летали высоко. Внезапно он открыл глаза и увидел перед собою яркий свет и лицо в этом свете. Очень доброе. Можно было разглядеть каждый волосок, каждую пору кожи. Отрок испугался и закрыл глаза. Открыл снова — лицо, как и прежде, близко над ним. Отрок ущипнул себя за руку: он не спал. Натянул одеяло на нос и съежился под одеялом. Но не выдержал и опять выглянул: человек все так же с доб-

ром смотрел на него. И тогда отрок закричал.

Пришла мать. Он ничего ей не сказал. Она его успокоила. Он уснул.

А утром вышел и признался: «Мама, я видел Бога. Поэтому я кричал».

Мне он сказал: «Мы кричим, когда рождаемся первый раз из лона матери. Во второй раз я кричал, потому что родился как человек».

С ним всю жизнь случались мистические события.

После второго инфаркта он находился в больнице, пульс был учащен и не падал, врачи не могли ничего сделать, лекарства слабо помогали. В палате рядом с ним ночевал сын. Было совсем поздно, когда он почувствовал руку у себя на руке. Он дотронулся до этого места — пусто. Прошло еще время. Кто-то явно держал руку у него на сердце. Он посмотрел: сын спал на второй кровати. И еще раз как будто кто-то положил руку ему под лопатку. На следующее утро пульс нормализовался. Он рассказал врачам, что с ним было. Выяснилось, что во всех указанных им местах расположены точки, которые задействуют для улучшения сердечной деятельности.

Двое. Двое в одном. Двойственность как личностная категория. Двойничест-во как психологическая категория. Двое-динство как философская категория. Свет и тень. Черное и белое.

Это то, из чего медленно прирастал новый «постлеонардовский» Рудольф Хачатрян. «Леонардовский» — писал в своих особенных портретах, начиная от раннего «портрета» башмака и «портрета» печи и кончая

«Автопортретом», портретами жены Наташи и Аркадия Райкина. Писал свет. Собственно, в этом и состояла тайна его, только его, пера и кисти.

Сперва это были так называемые «открытые формы» — след влияния Кочера. В «открытых формах» стали зреть философские и живописные искания Хачатряна. Сначала мать и дитя. Или двое влюбленных. Они начали срастаться, становиться одним. Потом во взрослом человеке возник ребенок. Мы так и говорим: в нем до седых волос жив ребенок. Но ведь это правда. В каждый момент настоящего мы сохраняем в себе прошлое. Но также несем и будущее. Как передать это средствами живописи?

Хачатрян 80-х открывает этот способ. И идет дальше.

«Понимаешь, — объяснял он мне, — вот яблоко. Написать его — это реализм, да? А написать космос? Это что — небо, звезды, луна? Разве это космос? Есть поверхностный реализм — то, что мы видим глазом. И есть духовный реализм, который может передать глубокое человеческое сознание. Мир многомерен. Мы живем в трех измерениях. Но существует еще четвертое — время. Художники всех веков пытались передать время в искусстве. Мне это удалось. Я сделал то, что, может быть, только через сто лет будет понято».

Вы скажете: какой самоуверенный. Я так не скажу.

Хачатрян уже полвека читает одну книгу. Эта книга — Библия.

И вот что он прочел в редко издаваемом Евангелии от Филиппа: «Когда Ева была в Адаме, не было смерти. После того как она отделилась от него, появилась смерть. Если она снова войдет в него и он ее примет, смерти больше не будет».

Он ахнул, дойдя до этих строк. Потому что это и было то, что он понял в своих работах, которые с повторяющимся единообразием называются и называются словом «Двуединство».

Еще громче он ахнул, когда прочел в столь же редко издаваемом Евангелии от Фомы: «Когда вы сделаете двоих одним, и когда вы сделаете внутреннюю сторону как внешнюю сторону, и верхнюю сторону как нижнюю сторону... когда вы сделаете глаз вместо глаза, и руку вместо руки, и ногу вместо ноги, и образ вместо образа, — тогда вы войдете в Царствие...».

И на этот раз словно откровение ему было даровано. Ибо это и была формула человека, которую он искал всю жизнь и к которой пришел в 90-х.

«Для меня настоящий художник тот, кто соединяет в себе весь мир, — сказал он однажды своему дяде. — Поэтому я чувствую себя армянином и китайцем, русским и черным человеком, Ван Гогом и Пикассо. Я Адам, воюющий в себе все человечество».

Я спросила его, что он скажет Богу, когда предстанет пред ним.

Он ответил: «Я скажу: «Спасибо за то, что ты даровал мне».

И вдруг прочел стихотворение. Единственное, написанное им. Сперва по-армянски. Потом по-русски. Как бы подстрочный перевод.

«Когда я был маленький, Бог пришел ко мне своим образом и своим светом. И Он из своего света дал мне, чтобы мне из этого света дать свое искусство и тоже уйти».

Ему 60, и он еще с нами.

Ольга Кучкина

«ОГОНЕК»